

А. Васкиневич

Кёнигсберг и романтическое движение

Как связан Кёнигсберг с литературной эпохой романтизма? Во-первых, из Кёнигсберга исходили импульсы, повлиявшие на эстетику и художественную практику романтиков. Наиболее явными импульсами подобного рода были некоторые идеи Канта и Гердера. Во-вторых, в Кёнигсберге волей судьбы оказывались различные представители романтического движения и авторы, к этому движению близкие. Это не только всем известный Э.Т.А. Гофман и достаточно долго проживший здесь Захариас Вернер, но и жившие в Кёнигсберге некоторое время Генрих фон Клейст (1805—1806), Ахим фон Арним (1806—1807), Йозеф фон Эйхендорф (1824—1831). Но насколько все эти писатели были связаны с романтическим движением, если понимать его в строгом академическом смысле?

Кёнигсберг никогда не был центром романтического движения, во всяком случае если понимать это движение в первую очередь как явление литературное; здесь никогда не возникало романтического кружка, подобно йенскому или гейдельбергскому; некоторые писатели, так или иначе связанные с Кёнигсбергом и романтизмом, оказывались здесь в силу причин, не всегда обусловленных культурным движением и литературным творчеством.

Однако через Кёнигсберг проходили многие нити, связывающие разных представителей предромантической и романтической эпохи, здесь пересекались судьбы романтического и антиромантического движений, пути немецкой идеалистической философии и романтической эстетики. Предлагаемые факты и размышления — попытка проследить, как на мгновение собираются и преломляются эти пути в фокусе Кёнигсберга.

1. Кант и романтизм — усвоение или отторжение?

Кант — имя, навсегда неоспоримо связанное с Кёнигсбергом, но отнюдь не настолько неоспоримо связанное с романтическим движением. Какие из идей Канта оказались близки немецким романтикам? В первую

очередь, это несколько эстетических тезисов, выдвинутых в «Критике способности суждения» (1790).

Опираясь на «Эстетику» Баумгартена, Кант понимает под эстетическими идеями образы, недоступные чисто рациональному мышлению. В противопоставлении канону и подражанию Кант утверждает тезис свободного творчества гения. Гениальность есть способность восприятия эстетических идей. Необходимой предпосылкой творческого гения является деятельность духа. Кант высказывает и идеи, позволяющие постулировать автономность искусства. Удовольствие от созерцания красоты есть бескорыстное удовольствие. Эстетическая ценность не прагматична. Искусство представляет собой «целесообразность без цели», то есть имеет внутреннюю целесообразность.

Эти, а также некоторые другие идеи были опознаны как свои по духу, усвоены и развиты представителями йенской школы романтизма¹.

Однако далеко не все идеи Канта позитивно воспринимались романтической философией и эстетикой².

Уже Гердер, также связанный с Кёнигсбергом и в свою очередь оказавший значительное влияние на романтическое движение, активно полемизировал с Кантом и в «Идеях философии истории человечества», и в «Каллигоне», и особенно в «Метакритике критики чистого разума»³. В одном из писем Гаману он говорит, что «не нуждается в ребяческих представлениях Канта о том, что человек создан для рода и государственной машины»⁴ и был бы рад свергнуть «идол разума»⁵.

Ф. Шлегель пишет своему брату А.В. Шлегелю в 1793 году: «В учении Канта я впервые нечто для себя постиг, и только в нем я надеюсь найти еще много для себя поучительного. Однако я не могу принять того, что лежит в его основе... упорядоченного использования идей... того, что основной движущей силой всякой воли является чистая закономерность»⁶.

С кантовским категорическим императивом полемизировал уже Шиллер⁷, за рамки этического формализма кантианства стремились выйти йенские романтики⁸. Ф. Шлегель назвал категорический императив «засушенным растением по сравнению с голосом призвания и Божества внутри нас»⁹; критически относился к этому постулату Канта и близкий романтизму философ Ф. Баадер¹⁰.

Но, пожалуй, самое своеобразное влияние оказала философия Канта на одного из легендарных авторов романтической эпохи, исключаемого (правда, во многом справедливо), в немецких академических изданиях из ряда писателей-романтиков, — Г. фон Клейста. В 1799 году Клейст возвращается из военного похода в родной Франкфурт-на-Одере, поступает в университет и усиленно занимается философией, математикой и древними языками. Среди прочих философов Клейст читает, конечно же, и Канта. Писателя отталкивает в философии Канта уже то, что «определение нашего высшего бытия» тот видит в «исполнении сухого долга»¹¹, но

поистине потрясла его «Критика чистого разума». «Казалось, наука приковала все его внимание, но кантовская “Критика чистого разума” приводит молодого Клейста к печальному выводу, что все в мире непостижимо и что его занятия наукой бесцельны. Поиски абсолютной истины представали перед ним как призрачный и недостижимый идеал, а понятие истины определилось как глубоко субъективное и не ведущее к раскрытию закономерностей внешнего мира»¹². То, что в 1800 году Клейст бросает университет, является не единственным последствием чтения Канта. Знакомство с философией Канта обернулось для писателя настоящей мировоззренческой катастрофой. «Нам не дано решить, является ли то, что мы называем истиной, на самом деле истиной, или нам это только кажется. В последнем случае вся та истина, которую мы здесь собираем, после смерти перестанет быть таковой, и все стремление получить в свою собственность нечто, что последовало бы за нами и в могилу, является напрасным. — Ах, Вильгельмина, если острота этой мысли не пронзает твоего сердца, не смейся над тем, кто чувствует себя жестоко уязвленным в самой своей сокровенной глубине. Моя единственная, высшая цель отнята у меня, и никакой иной у меня нет более»¹³, — так пишет Клейст в 1800 году своей невесте Вильгельмине фон Ценге, вышедшей позже (в 1804 году) замуж за профессора Вильгельма Трауготта Круга, который был призван в Кёнигсберг в 1805 году после смерти Канта в качестве его преемника. Интересно, что впоследствии и Клейста судьба привела в город, связанный с именем Канта, — после очередного тяжелого душевного кризиса Генрих Клейст переехал в Кёнигсберг и поступил на службу в палату государственных имуществ. В годы жизни в Кёнигсберге (1805—1806) он посвятил себя литературной деятельности: занимался переводами Лафонтена, работал над комедиями «Амфитрион» и «Разбитый кувшин». Факт, который может показаться странным, но который отмечают биографы Клейста: Кёнигсберг, незадолго перед кризисами военного времени и в пору военных действий, оказался для писателя точкой относительного внутреннего равновесия, размещенной между двумя обострениями психического расстройств и двумя обвинениями в шпионаже¹⁴.

2. Национальная идея: предромантические и романтические вариации

Имя Гердера в меньшей степени связано непосредственно с Кёнигсбергом: после окончания теологического факультета Кёнигсбергского университета он с 1764 года был пастором в Риге, жил в Страсбурге, Веймаре. Однако его духовная связь с Кёнигсбергом никогда до конца не прерывалась. Об этом свидетельствует и его дружеская переписка с Гама-

ном, и полемика с Кантом, бывшим его учителем. Уже в исполненном почтения письме Канту из Риги Гердер пишет о некоторых своих сомнениях относительно философских гипотез и аргументов своего учителя, «особенно в том, что касается науки о человеке»¹⁵. Гердер видит своей задачей «нести культуру и здравый смысл той достойной части человечества, которую мы называем народом»¹⁶, а своей философией — философию человеколюбия. «Целью моего пребывания здесь является познакомиться с бóльшим количеством людей и взглянуть на некоторые вещи иначе, чем смотрит на них Диоген из своей бочки»¹⁷, — пишет Гердер Канту. Интерес к человеку и истории человечества, к вопросу происхождения языка, к национальным традициям и фольклору получил свое воплощение в работах Гердера. Он создает теорию народной поэзии, ставшую литературным манифестом штурмеров и повлиявшую на творчество романтиков — и Ф. Шлегеля, и Л. Тика, и особенно на романтиков второго поколения. Идеи Гердера о национальном своеобразии, издание его «Народных песен» (1778—1779) отразились на принципах собирания фольклора Арнимом и Brentано — собирания без научной систематизации, с известной долей стилизации. Изданный ими «Волшебный рог мальчика» (1806—1808) должен был явить не образцы фольклорных текстов, предназначенные для научного изучения, а живые голоса песен, в которых воплотился дух создавшего их народа.

Ахима фон Арнима судьба также приведет однажды в Кёнигсберг. Эта страница его жизни будет связана, однако, не с литературными, но с политическими событиями, заставившими его иначе осознать национальную идею. Арним был недоволен политической ситуацией, нерешительностью и бездействием прусских властей в борьбе с Наполеоном. В одной из своих статей¹⁸ Арним характеризует Наполеона как воплощение духа величайшего народного движения своего времени — французской революции. Но поскольку Наполеон использовал силы прогресса в собственных целях, он должен быть свергнут. Победен он, однако, может быть лишь своими собственными средствами и только в том случае, если против него будут направлены не консервативные силы, но силы прогресса, провозглашенные французской революцией: идеи свободы и равенства. Старая система власти себя изжила, государству нужны реформы, «народ должен быть поднят дворянством из своего состояния угнетенности»¹⁹.

В Кёнигсберге, куда писатель последовал вслед за прусским двором, Арним находит патриотически настроенных единомышленников, в первую очередь находившегося здесь и бывшего в это время редактором «Хартунгской газеты» Иоганна Готлиба Фихте, Герхарда фон Шарнхорста, Карла фон Штейна, Макса фон Шенкендорфа и Генриха фон Клейста. Арним лично принимает участие в попытках реформирования армии и государственного устройства²⁰.

С очень большой долей условности можно говорить о формировании около 1806 года в Кёнигсберге, где в это время находились Клейст, Фихте, Арним, своеобразного центра романтического движения. Только имя Арнима в истории литературы однозначно ассоциируется с романтизмом как «школой». Вернее сказать — это был «центр», собравший на время представителей романтического движения и связанный с национальным антинаполеоновским движением.

Два прусских центра — Берлин и Кёнигсберг — образуют в данном контексте определенную взаимосвязь. Фихте читал лекции в кёнигсбергском университете в 1806 г. После того как Пруссия была оккупирована наполеоновскими войсками, он уезжает в Берлин, где выступает с публичными «Речами к немецкой нации». Арним встречался с Фихте в то время, когда в Кёнигсберге образовалась группа патриотов, вынашивавших планы по спасению Пруссии. Впоследствии Фихте стал членом образованного Арнимом в Берлине Христианско-немецкого общества (Christlich-Deutsche Tischgesellschaft)²¹, к которому примкнули также Генрих Клейст, Адам Мюллер и др. Но если патриотический пафос кёнигсбергского периода был обусловлен его освободительной антинаполеоновской направленностью, то в берлинский период идеи прогресса, свободы и равенства, которые защищал некогда Арним, были сведены на нет и превратились в свою противоположность — консерватизм и национализм. Характерен уже тот факт, что к участию в собраниях Христианско-немецкого общества не допускались не только филистеры, что было вполне в романтическом духе, но также женщины и евреи.

«Отвратительным гротеском эпохи» назвал Ф. Шлегель французскую революцию²². Еще более отвратительным гротеском обернулись национальные идеи, возникшие в эпоху романтизма, в XX веке, когда вызванный антинаполеоновскими войнами патриотический пафос романтического движения использовался в целях нацистской пропаганды, когда сама романтическая эпоха была объявлена «вторжением еврейства в царство немецкого духа»²³, когда Йозеф фон Эйхендорф — еще один поэт и писатель, побывавший некогда в Кёнигсберге, где закончил одну из известнейших романтических новелл «Из жизни одного бездельника», — как воплощение «истинно немецкого» духа был противопоставлен не только Генриху Гейне, но и Доротее Шлегель, а с ней заодно и основоположникам романтизма братьям Ф. и А.В. Шлегелям, попавшим в разряд «загрязняющих чистую руду немецкого романтизма отбросов»²⁴.

3. Гофман и романтизм

Э.Т.А. Гофман — писатель, чья судьба на первый взгляд кажется наиболее связанной как с Кёнигсбергом, так и с романтизмом — основной

точкой их пересечения. Но, с одной стороны, Э.Т.А., а вернее, тогда еще Э.Т.В. Гофман, родившийся в 1776 году в Кёнигсберге, достаточно рано покидает этот город²⁵, не впитав его духовной атмосферы, и в то время, когда сюда приезжают Арним, Клейст, Эйхендорф, живет в совсем иных местах; с другой стороны, Гофман, достаточно поздно попал в духовную атмосферу романтизма.

Отсутствие интереса Гофмана к идеям кёнигсбергских мыслителей — ставший уже банальным литературоведческий анекдот. Одна из распространенных легенд о жизни Э.Т.А. Гофмана гласит, что писатель, учившийся в кёнигсбергском университете, лекции Канта не посещал, откровенно заявляя, что ничего в них не понимает²⁶. Пути этих двух известнейших кёнигсбержцев были связаны в духовном пространстве города, скорее всего, лишь формально²⁷. Интересный факт последнего временного и пространственного пересечения судеб Гофмана и Канта описан в биографии Гофмана, изданной Гюнцелем: «В последующие годы он всего несколько раз ненадолго заезжал в родной город. В один из таких приездов, в феврале 1804 года, из уст юной Мальхен Хатт, дочери Доры, он узнал о преждевременной смерти своей Inamorata. Он описал встречу с Мальхен в своем дневнике, и эта запись пронизана тяжелым ощущением от ужасного известия. Случилось это в тот самый день, когда кёнигсбергская газета, издававшаяся Гартунгом, поместила сообщение о смерти Иммануила Канта. Но гораздо больше, чем кончина известного философа, двадцативосьмилетнего Гофмана потрясла смерть “девы солнца”, обретшей в более поздних произведениях свое художественное воплощение»²⁸.

Знакомство Гофмана с романтизмом происходит в 1804 году в Варшаве. В это время он впервые читает Новалиса, Тика, Brentano²⁹. В этом же году Гофман ставит зингшпиль «Веселые музыканты» на слова Клеменса Brentano. Хитциг знакомит Гофмана с Захарией Вернером, хотя в Кёнигсберге они были соседями³⁰. Но, несмотря на то, что через несколько лет в берлинских салонах Гофман встречается И.Г. Фихте и Ф. Шлейермахера, а в следующий период своей берлинской жизни (с 1814 года) завязывает отношения и с Л. Тиком, К. Brentano, Й. Эйхендорфом, сближается он только с Фуке и Шамиссо, фигурами второстепенными в романтическом культурном движении.

Гофман не принадлежал ни к йенскому, ни к гейдельбергскому кружкам и оказался в романтической школе — академической в своих истоках — не совсем «своим». Определенную «вторичность» Гофмана по отношению к романтизму чувствовали сами писатели-романтики, недаром К. Brentano в письме к Гофману от 1816 года говорит о том, что увидел в его книге свою «тень», свое «зеркальное отражение», то, от чего он сам давно уже хотел бы избавиться³¹, а Эйхендорф начинает свою главу о Гофмане в работе «Значение романтической поэзии» следующими слова-

ми: «Итак, мы видим, как романтизм, после своего духовного упадка, все быстрее и глубже спускается с вершин, к которым он устремлялся и которых частично действительно достиг, в сферу заурядного. <...> Характерный образец такого конца представляет собой Гофман»³².

Раздвоенность, разорванность сознания его героев по духу ближе к Вакенродеру, лишь через Тика сообщавшемуся с йенской школой, и Клейсту, творчество которого до сих пор зачастую рассматривается немецкими литературоведами вне рамок романтизма.

4. Научный педантизм и романтическое новаторство

Уже полемика с воззрениями Канта показала неприятие романтической школой тех идей, которые ее представители считали слишком формальными. Показательно высказывание Новалиса: «Кантовский метод, кантовский способ философствования в целом является односторонним: его можно было бы не без оснований назвать схоластицизмом»³³. Романтическая мысль имела мало общего с научным педантизмом, с тем, что Ф. Шлегель называл «математическими фантомами чисто механического мышления»³⁴. Романтиков можно — и иногда справедливо — упрекнуть в пренебрежении деталями, в недостаточно тщательной выверенности фактов и аргументов, их задачей было иное: проложить дорогу новым взглядам и идеям на искусство.

Не удивительно, что романтические идеи встречали как живой интерес, так и яростный отпор. Среди прочих критиков новых романтических концепций был и Кристиан Август Лобек, родившийся в Наумбурге, некоторое время преподававший в Виттенбергском лицее и университете, а с 1814 и вплоть до 1857 года работавший в Кёнигсбергском университете в качестве профессора риторики и классической филологии. Большинство работ Лобека посвящено классической филологии, ему принадлежит ряд работ по истории религии и греческой грамматике, в свое время завоевавших признание.

В истории романтического движения Лобек сыграл, однако, отнюдь не самую привлекательную роль. Он был автором анонимных рецензий на книгу Фридриха Кройцера «Символика и мифология древних народов, в особенности греков» (1810—1812) в Йенской литературной газете (1811 год — рецензия на первый том «Мифологии», 1812 год — рецензия на второй и третий тома). Более обширная полемика с этой работой содержится в сочинении Лобека о греческих (элевзинских, орфических и самофракийских) мистериях «Аглаофамус» (*Aglaophamus sive de theologiae mysticae Graecorum causis*), написанном на латыни и вышедшем в Кёнигсберге в 1829 году. Критические рецензии Лобека положили начало спору

вокруг «Символики и мифологии» Кройцера, отразившему конфликт между рационалистической и романтической школой в Германии. Вслед за рецензией Лобека последовали и другие отзывы на эту работу Кройцера — своеобразную романтическую теорию мифа и символа. Готфрид Герман — учитель Лобека — в 1818—1819 годах вступает с Кройцером в серьезную научную дискуссию, за которую последний даже выражает ему признательность в предисловии ко второму изданию «Символики и мифологии»; Иоганн Генрих Фосс, с которым Лобек был также лично знаком, в своей работе «Антисимволика» (1824) в очередной раз вступает в ожесточенную нелицеприятную полемику с романтизмом³⁵.

Интересным в данной связи может показаться тот факт, что само переосмысление понятия «символ» в конце XVIII века, приведшее к романтическим интерпретациям этого понятия, было заложено Кантом. Кант связывает символ с интуитивным познанием и противопоставляет его схеме как средству познания дискурсивного, тем самым открывая дорогу романтическим теориям символа³⁶.

Так замыкается круг мысли, очередная попытка понимания сложной и противоречивой эпохи конца XVIII — начала XIX века, рассмотренной на фоне одного города.

¹ Можно отметить и другие аспекты преемственности. Шеллинг, например, во многом опирается на кантовские дефиниции суждения вкуса. По Канту, суждение вкуса есть созерцательное суждение, «способность суждения есть способность мыслить частное как заключающееся в общем». У Шеллинга в «Философии искусства» (лекции, прочитанные в 1802—1803 годах в Йене) на соотношении частного и общего построена вся классификация системы искусств и способов изображения.

² О восприятии идей Канта немецким романтизмом см., напр.: *Naumann D. Literaturtheorie und Geschichtsphilosophie. Teil I: Aufklärung, Romantik, Idealismus.* Stuttgart, 1979; *Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма.* М., 1978. С. 37—52, 166—170.

³ *Гулыга А.В. Гердер.* М., 1975. С. 99—117.

⁴ *Herders Briefe: In einem Band.* Berlin und Weimar, 1970. S. 248.

⁵ *Ibid.* S. 248.

⁶ *Литературные манифесты западноевропейских романтиков.* М., 1980. С. 149.

⁷ *Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика.* СПб., 1996. С. 97.

⁸ Там же. С. 93—94.

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ *Эстетика немецких романтиков.* М., 1987. С. 548.

¹¹ *Kleist H. v. Sämtliche Werke und Briefe.* München, 2001. S. 315.

¹² *Дейч А. Судьбы поэтов. Гельдерлин. Клейст. Гейне.* М., 1987. С. 79.

¹³ *Kleist H. v. Op. cit.* S. 634.

¹⁴ *Ibid.* S. 83—96.

- ¹⁵ *Herders Briefe*. S. 27.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 27.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 28.
- ¹⁸ Имеется в виду статья “Was soll geschehen im Glücke”, написанная, вероятно, вскоре после вступления Пруссии в войну в октябре 1806 г. — *Arnim L.A.v. Werke in einem Band*. Berlin u. Weimar, 1981. S. 381—385.
- ¹⁹ *Ibid.* S. 384.
- ²⁰ *Kastinger Riley H.M. Achim von Arnim*. Hamburg, 1994. S. 54—63.
- ²¹ *Ibid.* S. 55.
- ²² Атенейские фрагменты. Фрагмент 424. Цит. по: *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 313.
- ²³ *Bade W. Eichendorff und der deutsche romantische Geist // Aurora. Ein romantischer Almanach. Eichendorff-Jahrbuch*. 1943. 12. Jahrgang. S. 22.
- ²⁴ *Ibid.* S. 23.
- ²⁵ О кёнигсбергском периоде жизни Гофмана см.: *Грешных В.И.* Э.Т.А. Гофман: кёнигсбергская страница жизни // Гофман Э.Т.А. Избранное. Калининград, 1994. С. 5—22.
- ²⁶ *Э.Т.А. Гофман. Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / Сост. К. Гюнцель*. М., 1987. С. 39, 41.
- ²⁷ Несколько иной точки зрения придерживается В.И. Грешных: «Расхожее представление об отношении Гофмана к Канту ... правомерно, но ... не отражает глубинной сути духовных отношений двух великих кёнигсбержцев» (*Грешных В.И.* Указ. соч. С. 18).
- ²⁸ *Э.Т.А. Гофман. Жизнь и творчество...* С. 49.
- ²⁹ Там же. С. 91.
- ³⁰ Там же. С. 38, 92.
- ³¹ *Brentano Cl. Dichter über ihre Dichtungen*. München, 1970. S. 266. — О достаточно сильном влиянии творчества Brentano на Гофмана см., напр.: *Reitz E. E.T.A. Hoffmanns Elixiere des Teufels und Clemens Brentanos Romanzen vom Rosenkranz*: Diss. Bonn, 1920.
- ³² *Eichendorff J.v. Werke*: In 6 Bdn. Bd. 6: Geschichte der Poesie. Fr.a.M., 1990. S. 247.
- ³³ *Novalis. Schriften*. Bd. 2. Stuttgart, 1965. S. 390. — Цит. по: *Габитова Р.М.* Указ. соч. М., 1978. С. 170.
- ³⁴ Атенейские фрагменты. Фрагмент 412. Цит. по: *Schlegel F. Kritische und theoretische Schriften*. Stuttgart, 1997. S. 130.
- ³⁵ *Der Kampf um Creuzers Symbolik. Eine Auswahl von Dokumenten*. Eingl. u. hrsg. v. Howard, E. Verlag v. J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). Tübingen, 1926. Nachdruck: Georg Olms Verlag, Hildesheim, Zürich, New York, 1984.
- ³⁶ Подробнее об этом см.: *Васкиневич А.И.* Образ-символ в эстетике гейдельбергских романтиков // Гетевские чтения-1999. М., 1999. С. 168—193; *Sørensen B.A.* Symbol und Symbolismus in den ästhetischen Theorien des 18. Jahrhunderts und der deutschen Romantik. Kopenhagen, 1963; *Man P. de.* Allegorie und Symbol in der europäischen Frühromantik // *Typologia litterarum. Festschrift für Max Wehrli*. Atlantis: Zürich, 1969. S. 403—404; *Pochat G.* Der Symbolbegriff in der Ästhetik und Kunstwissenschaft. Köln, 1983. S. 8—19.

I

Юбилейный

